

#YOUNG
FANTASY

ВИКТОРИЯ ШВАБ

АРХИВ
КЛЮЧИ ОТ ВСЕХ ДВЕРЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
ШЗЗ

Victoria Schwab
The Unbound

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Шваб, Виктория.

ШЗЗ   Архив. Ключи от всех дверей : [роман] /
Виктория Шваб ; пер. с англ. Е. Шолоховой. –
Москва : Издательство АСТ, 2018. – 416 с. –
(#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-102509-0

Представьте себе библиотеку, где вместо книг на полках лежат мертвецы. У каждого из них своя особая история, которую под силу прочесть только Библиотекарям. Поэтому они называют мертвых Историями, а место, где хранятся Истории, – Архивом.

Маккензи Бишоп — Хранитель Архива, она спасает мир от вторжения бесприютных призраков — пробудившихся Историй. Но однажды ей пришлось спасти сам Архив, когда кто-то начал переписывать Истории, подчас стирая целые жизни...

Теперь для того, чтобы вернуться к нормальной жизни, ей придется до конца разобраться в том, что произошло. Найти тех, кто стоял за совершенным преступлением. И спасти не только свой разум, но и саму жизнь.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102509-0

Text copyright © 2014 by Victoria Schwab
© Е. Шолохова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Я могу в двух словах рассказать все,
что узнал о жизни: она продолжается.*

Роберт Фрост

Глава первая

Спать хотелось невыносимо. Я сидела на крыше Коронадо, примостившись на обломанном плече горгульи, и изнемогала от желания прыгнуть со своего насеста, вернуться в здание, спуститься по лестнице на третий этаж, прокрасться по темной квартире и, наконец, лечь в постель.

Но я не могла. Потому что всякий раз, стоит мне уснуть, я вижу сны. И в каждом сне является Оуэн. Его серебристые волосы, холодные глаза, длинные пальцы, небрежно вертящие нож. Мне снится, как он проводит зазубренным лезвием по моей коже, приговаривая, что где-то там внутри, под плотью, прячется «истинная» Маккензи Бишоп.

«Я найду тебя, М., — шепчет он, делая надрез. — Я тебя освобожу.»

Иногда он убивает меня быстро, а порой попытка затягивается. Так или иначе, каждую ночь я вскакиваю в темноте, крепко обхватив себя руками. Сердце едва не выпрыгивает из груди, пока я судорожно проверяю, нет ли на коже свежих порезов. Их, конечно же, нет. Потому что Оуэна не существует. Больше не существует.

Прошло уже три недели. И хотя сейчас, под покровом ночи, слишком темно, чтобы различить на

крыше хоть что-нибудь, кроме силуэтов каменных изваяний, я до сих пор невольно поглядываю туда, где все и произошло. Точнее, где все закончилось.

«Не беги, остановись, мисс Бишоп. Бежать больше некуда.»

Воспоминания до сих пор такие живые и яркие: Уэсли истекает кровью на другом краю крыши. Оуэн предлагает выбор, но это вовсе не выбор, потому что его нож впился мне между лопаток.

«Необязательно заканчивать все вот так.»

Он произнес всего несколько слов, но этого времени мне хватило, чтобы за его спиной повернуть в воздухе ключ, сделать дверь в никуда, дыру из Внешнего мира в бездну, и втолкнуть его туда.

Но вот я поймала взглядом то, что увидеть невозможно — отметину. Сейчас это просто царапина, едва заметная зыбь в воздухе — все, что осталось от двери в бездну. И хотя ее почти не видно, я точно знаю, где она: темное пятно, которого здесь быть не должно. Своей противоестественностью оно притягивает взгляд и одновременно отталкивает.

Дверь в никуда, в бездну — нечто губительное и не поддающееся осмыслению.

Я пыталась вернуться в тот день, прочесть, что случилось по статуям, венчающим крышу Коронадо, но все воспоминания были уничтожены. Бездна, приоткрывшись на миг, поглотила самые важные в моей жизни минуты, оставив лишь белый шум, точно на засвеченной пленке.

Впрочем, мне не нужно читать образы, запечатленные на каменных изваяниях: я и так все помню. У статуи в дальнем конце крыши откололся камешек, и я прыгнула с плеча горгульи, едва не потеряв равновесие. На меня накатила дрема, голова отяжелела, сознание затуманилось,

и я спрыгнула — не хватало еще свалиться и свернуть себе шею. Первые проблески рассвета тронули небо, и я напряглась. Я совершенно не готова к этому дню. И вовсе не потому, что не спала. Я не готова к новой школьной форме, которая висела сейчас на стуле в моей комнате. Не готова к новой маске, которую придется нацепить вместе с этой формой. Не готова к кампусу, где наверняка шум, гам и столпотворение. Не готова к Гайд Скул. Но солнце упрямо ползло вверх.

Чуть поодаль возвышалась статуя горгульи, к каменному телу которой я примотала скотчем старые подушки. Их я стащила из шкафа, стоявшего в вестибюле Коронадо. Ну а скотчем разжилась в кофейне, свистнув моток из выдвижного ящика. Конечно, не бог весть какая замена боксерской груше, но все же лучше, чем ничего. И если уж спать я не могу, то можно неплохо потренироваться.

Утренний свет озарил небо, разливаясь по крыше Коронадо. Осторожно снимая туго намотанные боксерские бинты, я сморщилась, почувствовав, как кровь прилила к онемевшему правому запястью. Еще одно напоминание о том дне.

Оуэн стискивает мое запястье, и нож со звоном падает на пол.

Поврежденная кость наверняка зажила бы скорее, если б я часами напролет не колотила импровизированную грушу, но боль странным образом помогала мне не сорваться.

Я почти расправилась с бинтами, когда уловила знакомое царапание по бумаге. Я вытащила листок из кармана и в бледном свете занимающегося дня различила имя: *Элли Рейнольдс, 11 лет.*

Я провела пальцем по буквам, будто хотела нащупать бороздки, оставленные пером, но с сообщениями из Архива ничего подобного не бывает. Когда кто-то делает запись в архивном фолианте, она тотчас появляется на моем листке. А как только я нахожу Историю, буквы исчезают, не оставляя и следа. Меня даже посещала мысль вести список людей, которых я нашла и вернула, но мой дед сказал бы, что в этом нет никакого смысла. *«Если долго смотреть на что-нибудь, — говорил он, — то волей-неволей начинаешь задумываться. И к чему эти раздумья приводят? Ни к чему хорошему».*

Я направилась к заржавленной двери. Поиски Элли Рейнольдс помогут скоротать время, пока не настанет утро и не начнет пробуждаться город. Знай мои родители, что полночи я мечусь в кошмарах, а оставшиеся ночные часы провожу на крыше, они немедленно отправили бы меня к психиатру. А уж если бы я им рассказала, что последние четыре с половиной года выслеживаю и возвращаю Истории мертвых людей, как пить дать меня бы уже закрыли в психушке.

Я спустилась на четыре пролета. Кругом стояла полнейшая тишина, отчего звук шагов по каменным ступеням казался особенно резким. На третьем этаже я свернула с лестницы в холл, оклеенный выдавшими виды желтыми обоями и украшенный пыльными хрустальными светильниками. Квартира 3F находилась в дальнем конце. Меня так и тянуло пойти домой и лечь спать, но рисковать не хотелось. Я остановилась посреди холла сразу за шахтой лифта. Там, в промежутке между старым зеркалом и картиной с морским пейзажем, виднелась крохотная трещинка, будто легкая рябь

на обоях. Ее и не увидишь, если тебе не положено этого видеть — кстати, вот верный способ определить, относится что-то к Внешнему миру или нет. Как и там, на крыше, она притягивала и одновременно отталкивала взгляд. Но разница в том, что здесь, стоит мне стянуть с пальца серебряное кольцо, смутная настороженность исчезает, а в середине трещинки отчетливо проступает замочная скважина. Это дверь, ведущая в Коридоры.

На миг засомневавшись, я коснулась пальцами темного пятнышка. Прежде грань, разделяющая миры, казалась мне надежной и непроницаемой, точно возведенная из камня стена. Но теперь она как будто истончилась. Секреты, ложь, кошмары, проникая, неумолимо подтачивают ее.

«Никогда не позволяй своим мирам соприкоснуться, — предупреждал дед. — Следи, чтобы грань между ними оставалась крепкой и четкой».

Но сейчас творилось черт те что. Мои страхи прокрались вслед за мной в Коридоры, а ночные кошмары, напротив, просочились во Внешний мир. Я сняла с шеи кожаный шнурок, на котором носила ключ. Свет хрустальных бра заиграл на нем бликами. Это не тот ключ, что был у меня, а еще раньше — у деда, и я впервые открывала им дверь в Коридоры. Помню, получив его, я испытала горечь от того, что потерю так легко заменили. Словно они одинаковые.

Я взвесила ключ на ладони. Он совсем новый и гораздо светлее предыдущего. Однако это не просто кусок металла. Он словно предостережение о том, что можно лишиться всего: и ключей, и свободы, и памяти, и жизни. Вообще-то я не особенно нуждалась в предостережениях. Допрос Агаты накрепко врезался мне в память. Да и прошло всего

несколько дней. Когда меня вызвали на допрос, синяки уже пожелтели, но запястье еще болело. Агата, сидя в кресле, доброжелательно улыбалась, я же пыталась скрыть, как сильно у меня тряслись руки. Мой ключ она забрала, а из Архива без него не выбраться. Проблема, как объяснила Агата, заключалась в том, что я заглянула за кулисы и увидела, как устроена система. Поэтому встал вопрос, позволят ли мне это помнить? Или Архиву следует стереть все, что я узнала об изнанке его работы, а заодно и последние события? Оставить в моей памяти уйму пробелов и снять с меня бремя пережитого?

«Будь у меня выбор, — сказала я, — я бы предпочла научиться жить с тем, что мне известно». «Будем надеяться, ты приняла верное решение, — ответила она, вложив в мою ладонь новый ключ и заставив сомкнуть пальцы. Затем добавила: — Будем надеяться, что и мое решение было верным».

Я вставила ключ Агаты в замочную скважину. Тутчас от нее по желтым обоям побежали тени, впитываясь в стену, словно чернила, и затем проступили контуры двери, очерченные светом. Я пыталась повернуть ключ, но задрожала рука. Мне пришлось стиснуть пальцы так, что металл впился в кожу. Вспышка боли помогла сбросить наваждение. Я распахнула дверь и шагнула в Коридоры.

Затворив за собой дверь, я затаила дыхание — так делают дети, когда идут мимо кладбища. Обычное суеверие, наивная вера, что несчастья минуют тебя, если ты их не вдохнешь. Замерев, я стояла в темноте, пока не успокоилась, осознав,

что Оуэна в Коридорах нет, что здесь лишь я и Элли Рейнольдс.

Вернуть ее оказалось легче, чем найти. Проще отследить те Истории, которые убегают, потому что на каждом шагу они оставляют за собой воспоминания, будто тени. Но Элли никуда не бежала, она сидела, забившись в угол, у самой границы моей территории. Когда я ее нашла, она не стала сопротивляться и сразу пошла со мной, к моему великому облегчению. Потому что от усталости у меня буквально слипались глаза и подкашивались ноги так, что даже пришлось опираться о сырые стены.

Зевая, я добрела до двери с начертанной мелом пометкой «1» и вернулась во Внешний мир. К счастью, в холле третьего этажа стояла все та же сонная тишина. В Коридорах, где часы не работают, очень легко потерять ход времени, а сегодня как раз такой день, когда мне никак нельзя опаздывать.

Солнечный свет щедро струился в окна квартиры. Я притворила за собой дверь и пересекла гостиную. Гудение кофеварки и тихое бормотание телевизора заглушили звук шагов. Я взглянула на экран: среда, 6:15 утра. Диктор рассказывал о пробках, перешел к спортивным новостям, а затем, перевернув страницу, сообщил: «Далее: последние сведения о шокирующем исчезновении человека. На месте происшествия полный разгром. Что это — взлом, похищение или что-то гораздо худшее?».

Диктор говорил слишком эмоционально, но мое внимание привлекли не его слова, а кадр, застывший фоном за его спиной. Я подалась к телевизору, но из родительской спальни послышались шаги. Я спохватилась, что стою посреди квартиры

в черном обтягивающем костюме Хранителя, а на часах всего шесть утра.

Прошмыгнув в ванную, я включила душ. Горячие тугие струи принесли блаженство, ослабив напряженные мышцы и уняв боль. Шум воды, монотонный и успокаивающий, наполнил комнату. Я сомкнула веки и... покачнувшись, едва не упала на облицованную плиткой стену, но в последний миг успела выставить вперед руки. Незажившее запястье пронзила боль. Я негромко чертыхнулась и пустила холодную воду. Ледяной душ, обжигавший кожу, казался сущей пыткой, но зато сон как рукой сняло. Завернувшись в полотенце, я выскочила из душа и поспешила в свою комнату, зажав под мышкой костюм Хранителя. Но тут дверь родительской спальни распахнулась, и на пороге появился папа с кружкой кофе в руке. Выглядел он так, будто совершенно не выспался и переборщил с кофеином. Впрочем, теперь он всегда так выглядел.

— Доброе утро, — пробормотала я.

— Сегодня важный день, дорогая. Ты готова? — спросил он и поцеловал меня в лоб, окатив своим шумом, сотканным, как и у любого живого человека, из мыслей и воспоминаний. Кольцо Хранителя на моем пальце заслоняет образы, поэтому я слышу лишь звуки.

— Не уверена, — сказала я. Меня так и подмывало заметить, что мне не оставили выбора. Но я сдержалась и выслушала его напутствия и заверения, что я справлюсь. Мне даже удалось улыбнуться и, пожав плечами, непринужденно бросить: — Да, конечно.

И я сбежала к себе в комнату, где на стуле, ожидая своего часа, висела новая школьная форма.

Холодный душ, может, и помог взбодриться, но к школе я все равно не готова. Смахивая капли, стекающие с мокрых волос прямо в глаза, я оглядела форму: черная хлопковая рубашка-поло с длинными рукавами и серебристым кантом на плечах; на нагрудном кармане — герб школы; юбка в черную, зеленую, серебристую и золотую клетку. Цвета Гайд Скул. На картинке в рекламном проспекте юноши и девушки сидят с книжками под сенью вековых дубов; с одной стороны видна кованая ограда, с другой — поросшие мхом стены старого здания. Эдакая обитель невинности и благолепия.

Я взяла телефон, который как раз полностью зарядился, и отправила Уэсли сообщение:

Маккензи: Я не готова к школе.

Уэсли сохранил в моем телефоне свой номер под именем: «Уэсли Айерс, соучастник преступления». Прошло уже больше недели с тех пор, как он уехал. Сразу после свадьбы отца Уэсли вместе с молодоженами отправился на медовый месяц «скреплять семейные узы». Но судя по тому, как часто он писал мне, он вовсе отлынивал от «скрепления семейных уз». Вскоре от него пришел ответ.

Уэс: Ты — Хранитель. В свободное время ты выслеживаешь Истории. Я более чем уверен, что и частная школа тебе по плечу.

Я мысленно представила, как Уэсли, закинув руки за голову, говорит мне эти слова. Словно воочию увидела теплые карие глаза, подведенные черным, изогнутую бровь, и невольно улыбну-